

ГЛАВА 3. КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы¹

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

В статье описывается одна из методик биографического исследования — анализ биографического нарративного интервью. Обращается внимание на контекст биографизации современности, рассматриваются процедуры проведения нарративного интервью и его структура; приведен сегмент секвенционального анализа текста.

«Дедуктивный метод» социолога

Не без некоторой иронии можно утверждать, что методы социолога вполне сопоставимы с методами детектива, успешного в реконструкции неявных причин и мотиваций поступков, приводящих к непредвиденным последствиям. Вспомним рассуждения всемирно известного детектива Шерлока Холмса о дедуктивном методе, помогающем ему обнаружить преступника, т. е. определить его идентичность. Восстанавливая последовательность событий, социолог, как и детектив, должен уметь рассуждать аналитически, «При решении подобных задач очень важно уметь рассуждать ретроспективно. <...> Лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же при-

¹ Ранняя версия этого текста опубликована в сборнике «Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Материалы всероссийского семинара» (Краснодар: Институт социологии РАН; НИИ социально-гуманитарных проблем Кубанского государственного университета, 2004. С. 200—222).

чины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными или аналитическими рассуждениями» (Конан-Дойль 1991: 129).

Социолог должен уметь рассуждать от следствия к причине — только так можно изучить идентичность субъектов социального действия. Эта профессия требует интуиции, способности к логическому сопоставлению фактов и их интерпретаций (в том числе фактов, противоречащих сложившейся логике анализа) исходя из принципа когерентности социальных явлений: «Надо больше доверять себе... Если какой-либо факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит, его можно истолковать иначе» (Там же: 64).

Аналогично детективу социолог должен увидеть то, чего не замечают другие и что содержит ключ к решению исследовательской задачи. Опираясь на эмпирические детали, на первый взгляд противоречащие друг другу, он может выделить базовые компоненты в цепи событий, приведших к видимому результату. Описывая свой метод доктору Ватсону, Холмс рассуждает: «В самом начале расследования вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне посчастливилось ухватиться за него, и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и, в сущности, являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило вас в тупик и, как вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения... Странные подробности вовсе не осложняют расследование, а наоборот, облегчают его» (Там же: 65). Подобно Шерлоку Холмсу социолог должен проверять и перепроверять свои предположения, обращая внимание на всевозможные, и в особенности «странные», обстоятельства, упомянутые рассказчиком. Дедуктивный метод — отличное подспорье в биографическом исследовании идентичности, поскольку «всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природе ее мы можем познать по одному звену» (Там же).

Познакомившись с некоторыми премудростями детективного расследования, обратимся теперь к социологическому анализу идентичности посредством текстуального анализа автобиографий. Для этого мы попытаемся оценить роль (авто)биографии в мире (пост)современности (post-moder-

nity), затем опишем свойства нарративного биографического интервью, особенности его проведения и метод анализа. В качестве примера обратимся к анализу конкретного фрагмента текста. Так же как и Шерлок Холмс, при анализе структуры нарративного Я мы будем искать ключ к разгадке идентичности рассказчицы, ретроспективно реконструируя факты ее жизни, их интерпретации и сопутствующие переживания, иными словами — реконструируя событийное (практическое), когнитивное и аффективное измерение рассказа о жизни.

Биографизация современности

С точки зрения многих социологов современное общество характеризуется процессом биографизации или биографической эмансипации (см., например, работы Э. Гидденса и У. Бека). В таком обществе у индивида существует большая степень свободы выбора собственной жизненной траектории. Биография становится результатом индивидуальных решений и выборов, не скованных жесткими сословными структурными рамками, традициями и ригидными моральными нормами. Имеется простор для различных, в том числе фантазийных, перспектив конструирования личной идентичности. Индивид может изменить место работы и место жительства, и не только в пределах одного государства, но и за его пределами; можно выйти за пределы фиксированной локализации и обрести идентичность кочевника. Предметом постоянной рефлексии и объектом политики идентичности становятся не только социальное положение и стиль жизни, но и собственное тело. Можно не только похудеть, изменить цвет волос и глаз, но и поменять цвет кожи и даже пол, не говоря уже о таких «пустяках», как сексуальная ориентация, семейное положение и гражданство. Биография перестала быть предзаданной, возможности для конструирования своего Я расширились по сравнению с предшествующими временами, и в этом заключается биографизация пост(современного) общества.

Биографизация общества как конструирование многообразных и не всегда предсказуемых Я выражается в феномене биографической работы (см.: Fisher-Rosenthal 1995), которая охватывает все социальные слои и среды. Отвечая на вопрос «КТО Я?», ключевой для определения идентичности, совре-

менный человек обескуражен. Часто он не находит готовых ответов, хотя раньше вопрос казался таким простым. Усложнение социальных конфигураций, функциональная дифференциация и фрагментация, бытийная неопределенность в контексте случайностей и глобальных рисков, множественность личностных аффилиаций, иногда конфликтных, уходящих в глубь темного ядра бессознательного, — это типичные черты (пост)современного общества. В таком хаосе трудно выстроить собственную идентичность; для этого требуются постоянные рефлексивные усилия. Самоопределение в социальном контексте превращается в повседневную и постоянную задачу современного человека. Многообразная деятельность по вписыванию себя в мозаику социальной реальности становится биографической работой, требующей навыков и затрат. Любые действия, решения, выборы могут интерпретироваться как элементы биографической работы. Она осуществляется в ответ на потребность фиксирования места личности в ткани бытия. Такое (пере)определение необходимо для эффективной коммуникации, для совершения любого социального действия, для обеспечения интерактивной компетентности и подотчетности действующего лица. Итак, биографическая работа как формирование идентичности в условиях современного сверхсложного и неопределенного общества становится значимым социальным процессом, определяющим конфигурации социального мира.

Кризис идентичности (еще один феномен современности) связан с тем, что границы Я размыты, не определены; это вызывает фрустрации и потребность поиска границ своего и чужого. Трансформирующееся общество (а именно такое общество наблюдается в России уже не одно десятилетие) — особый вызов для идентичности, а значит — и для биографической работы. Отечественные (В. Ядов, Л. Ионин, В. Голофаст) и иноземные (например, П. Штомпка) исследователи описывают состояние кризиса идентичности в контексте ломки российских социальных институтов. «Шкатулка идентичностей» содержит ограниченное число версий, но и из них непросто сделать выбор. В них надо разобраться, примерить (подойдет ли?), отбросить то, что не годится, и в конечном счете остановить свой выбор на той личине, которая накрепко пристанет и будет распознаваться окружением как «истинное лицо». «Че-

ловек меняет кожу»², и это болезненный, длительный и сложный процесс, обусловленный неопределенным контекстом. Контекстуальные условия, создающие матрицу возможностей и барьеров уместной идентичности, не сводятся к социальному пространству и синхроническому измерению. Темпоральный контекст новой биографической работы актуализирует генеалогии семей и родов, а также устойчивую и недавнюю память поколений.

Субъектами биографической работы становятся индивиды, семьи и более масштабные коллективные образования — корпорации, организации, т. е. все те, кто обладает идентичностью или выстраивает ее. Форматы биографической работы могут быть различны, здесь нас интересует лишь один из них: собственно индивидуальная автобиографическая работа — устное авторское жизнеописание, получаемое в ходе биографического нарративного интервью.

Форматы авторских жизнеописаний различны. Люди рассказывают о своей жизни часто в разных контекстах и по разным поводам. В учреждениях они следуют матрицам самопрезентации, заданным бюрократическими и функциональными задачами. В самопроизвольных жизнеописаниях мемуарного характера они следуют форматам, определенным культурными парадигмами (см.: Голофаст 1997). Такие жизнеописания разворачиваются по принципу литературного романа — длительного повествования, имеющего начало, середину и конец. Действующие лица вплетаются в ткань рассказа, насыщенного институционализированными сюжетами — нарративами о детстве, отрочестве и юности, работе, семье и досуге.

Особый жанр биографической работы связан с проведением глубинного интервью, когда в присутствии чужого лица, в

² Описывая ситуацию кризиса идентичности, в которой оказалось постреволюционное поколение России, одна из героинь романа Б. Ясенского «Человек меняет кожу» рассуждает так, как мог бы рассуждать современный молодой человек: «Мы... пока что меняем кожу. Это массовый и болезненный процесс. Изменились отношения между людьми, между людьми и вещами, между людьми и государством. Расширились масштабы каждой отдельной личности, старая кожа... лопнула. Мы меняем ее на более просторную, в которой нам легче дышать», — говорит комсомолка Полозова в споре с американским инженером Кларком...» (Ясенский 1983: 15–16).

режиме актуализации памяти рассказчик реагирует на стимул исследователя. Такой рассказ, несомненно, ситуативен. На атмосферу рассказа влияет не только личность интервьюера, но и характер стимула, побуждающего к автобиографическому повествованию, а также легенда, представляемая исследователем, — т. е. то, как он описывает задачу своего проекта, как объясняет причину, по которой он обратился к этому человеку, для чего он хочет получить доступ к его интимной жизни, «за что ему это?» и «что ему за это будет?».

Итак, если мы соглашаемся с вышеописанным диагнозом биографической эмансипации общества и понимаем, что биографическая работа по созданию самоидентичности в трансформирующемся обществе достаточно напряженна и сложна, что существуют культурные парадигмы жизнеописаний, характерные для тех или иных обществ, — то мы можем сформулировать некоторые характеристики авторского жизнеописания, полученного в ходе нарративного биографического интервью.

Нарративное биографическое интервью и его свойства

Опишем некоторые характеристики нарративного биографического интервью, выделяемые исследователями. Прежде всего авторский рассказ о пережитом (или авторское устное жизнеописание) содержит всевозможные временные измерения; он является многоуровневым и пестрым в темпоральном отношении. В нем присутствуют рефлексии о прошлом, настоящем и ожидаемом будущем. Исследователь исходит из того, что настоящее тематизирует прошлое. Тематизация задается, когда социолог предлагает потенциальному рассказчику легенду, объясняя мотивацию своего проекта. Он может, например, сказать: «Мне интересно услышать ваш рассказ потому, что вы живой свидетель таких-то событий», или «потому, что вы достигли такого редкого положения», или «потому, что вы уникальны», или «потому, что вы типичны», и т. д. Кроме того, та ситуация, в которой находится рассказчик «здесь и сейчас», — болен он или здоров, счастлив или травмирован, оптимистичен или находится в депрессии, голоден или сыт, — также влияет на селективную работу индивидуальной памяти. Итак, прошлое представлено в биографическом интервью избира-

тельно, но сами рассказчики могут этого не осознавать. Кроме того, рассказ о пережитом выстраивается с ориентацией на ожидаемое будущее — изменение места жительства и профессионального положения, вступление в новую фазу жизненного цикла, уход из жизни и т. д.

Исследователи проводят различие между прожитой жизнью и рассказом о пережитом. Повествуя о своем прошлом опыте, человек выстраивает его как аутентичный, т. е. события и сопутствующие им переживания и оценки предстают как достоверные и действительно имевшие место. Однако мы согласимся с П. Бурдые, утверждающим, что эта достоверность вполне иллюзорна. Но именно претензия на аутентичность является конституирующей частью биографической работы, в результате которой создается нарративное Я (Я рассказчика). Это Я стремится не только к тому, чтобы предстать подлинным, но и к тому, чтобы быть признанным в качестве такового другими. Таким образом, рассказчик постоянно должен выстраивать последовательность разных фрагментов своей жизни (фактов, переживаний, интерпретаций) так, чтобы она была узнаваема другими и вызывала доверие.

В результате рассказ о жизни представляет собой некоторую целостность. Согласно Дильтею, автобиограф всегда ориентирован на то, чтобы охватить опыты своей жизни в смысловое целое, а не в череду разрозненных событий. Подспудная когерентность изложения предполагает, что отдельные фрагменты будут связаны общим смыслом. Именно наличие латентного смыслообразующего ядра приводит к тому, что рассказчик выделяет и подробно описывает одни фрагменты своей жизни и забывает или оставляет в тени другие. Рассказывая о пережитом, человек совершает контекстуально определенную биографическую работу, придавая (не всегда осознанно) смысл своей жизни перед лицом вызовов жизненного многообразия. Формирование этой нарративной структуры особенно важно в современном фрагментированном мире, где задачи конструирования идентичности определяются поиском стратегий жизнеустройства. Биографическое структурирование в интервью — один из аспектов повседневной техники жизнеорганизации.

Еще одной особенностью нарративного биографического интервью является множественность текстуальных модальностей. Поясним, что имеется в виду. В тексте интервью репрезен-

тирован пережитой опыт. Согласно феноменологическому подходу, структуры опыта предполагают три измерения — практическое, аффективное и когнитивное. Это означает, что во всяком фрагменте опыта можно аналитически выделить действия и взаимодействия, переживания и ощущения, связанные с этими (взаимо)действиями, и осмысление этих (взаимо)действий. В соответствии с таким представлением о структуре опыта исследователи различают три смысловых пласта, которым соответствуют разные текстовые модальности. Анализируя разные модальности текста и их сочетания, сравнивая текстовые репрезентации с событийной канвой рассказа, можно составить представление о смысловых нагрузках текста и выявить тот смысловой стержень, который объединяет нарратив в единое целое. Опишем подробнее модальности, которые исследователь должен распознавать в автобиографическом тексте.

Описание. Эта модальность представлена изложением последовательности событий и опытов, соотносенных с пространственно-временным контекстом. Стиль текста — объективистский, в нем нет описания эмоций и ощущений, нет эксплицированных оценок. Такой текст подобен дистанцированному (отстраненному) изложению, где вовлеченность рассказчика обозначена лишь указанием на его функцию. Примером может служить типовая автобиография, которую представляют при поступлении на работу.

Собственно нарратив включает эмоционально насыщенные фрагменты текста — личного сообщения, которое содержит описание собственных или чужих переживаний, относящихся к некоторому ситуативному опыту. Такой текст включает в себя грамматические формы и интонационные фигурации, которые призваны вызвать ответную эмоцию у слушателя. В них суть пережитого — боль, страх, смех, слезы, радость, тревога и т. д. Без эмоциональной части нет нарративного интервью, нет рассказа о пережитом, а есть лишь сухая канва событийной цепочки.

Интерпретация, содержащая объяснение и оценку произошедшего. Рассказчик эксплицирует причинно-следственную связь событий, относящихся к его жизненному опыту, генерализирует факты, выстраивает системы референций и т. д. Такая текстовая модальность призвана упорядочить событийный ряд, помочь осмыслить его место в рассказе о пережитом.

Каждой из текстовых модальностей соответствуют языковые и речевые маркеры, которые искушенный исследователь легко распознает. В интервью текстовые модальности встречаются в разных сочетаниях, однако исследователи исходят из того, что композиция разных типов текста, относящихся к некоторому фрагменту жизни, создает смысловую насыщенность опыта.

Обратимся теперь к структуре нарративного интервью. Текст автобиографического повествования (результат авторской импровизации) состоит из секвенций и коды. Секвенция представляет собой фрагмент в последовательности текста, выделенный по тематическому критерию и составляющий смысловое целое. Каждая секвенция характеризуется особой конфигурацией текстовых модальностей³. Кода является завершением последовательности секвенций. Она интонационно и грамматически маркирована различными финалистскими оборотами, например: «вот и все, собственно». Как правило, кода содержит смысловое резюме, подытоживающее жизнеописание, хотя вывод не всегда эксплицируется. Для аналитических целей секвенции можно делить на более мелкие нарративные единицы, выделяя промежуточные коды и дробя таким образом текст по критериям эмического или внешнего характера.

Задача анализа нарративного интервью — тип биографической работы, характерной для того или иного нарративного Я. Исследователю важно дать наименование типу нарративного интервью (придумать слово), найти категорию (эмпирическую или аналитическую), улавливающую тип биографической работы, представленный в тексте. Предполагается, что тип биографической работы обусловлен субъективно и объективно, т. е. зависит от пережитого опыта рассказчика и культурной парадигмы биографической самопрезентации. При этом главные структуры жизнеописания рассматриваются как выраженные биографической работы, соответствующей процессу самоидентификации личности.

³ Секвенция в музыкальном произведении представляет собой одну из возможных вариаций темы, которая занимает свое место в гармонически заданной последовательности фрагментов (секвенций) пьесы. В коде, завершающей пьесу, повторяются и сводятся воедино основные темы.

Изучив множество исследовательских проектов, немецкий социолог Ф. Шутце выделил четыре типа биографических процессов, которые он реконструирует на основе анализа текстов нарративных интервью. Для каждого типа характерна своя собственная секвенциональность, особенности социо-лингвистических построений, выраженные в разных сочетаниях текстовых модальностей. Шутце предполагает, что жизненный путь и презентация жизненного опыта изоморфны. Рассмотрим кратко каждый из выделенных типов. Термин «биографический процесс» нам представляется не вполне удачным, потому что он предполагает объективность и достоверность изложенного в нарративе. Поскольку мы исходим из различия жизненного опыта и рассказа о нем, то предпочитаем термин «биографическая работа», который предполагает, что автобиографический нарратив является процессом и результатом конструирования Я рассказчика.

Биография как траектория (trajectory). Пример такой биографической работы — жизнеописание тяжелобольного человека, повествующего о том, как началось и как протекало его заболевание, как постепенно изменялись его место в социальном пространстве и его идентичность. Ретроспективно рассказчик нанизывает все воспроизводимые им события на одну нить — становление и разворачивание опыта страдания больного. В таком рассказе всегда присутствует ключевой момент, который является поворотным для жизни и жизнеописания: воспоминание о начальной точке траектории, о том, как человек почувствовал себя больным или узнал о своей болезни. Эта биография представляет человека, жизнь которого задана не зависящими от него обстоятельствами, которым он не в силах противиться. Траектория — это жизненная колея, путь, который невозможно изменить.

Биография как стратегия (biographical action scheme). Пример такого конструирования нарративного Я — жизнеописание человека, который «сделал себя сам» (по крайней мере, таким он себя представляет). В таком жизнеописании выражен стратегический сюжет, подчеркивается поступательное продвижение действующего лица от события к событию, от одного этапа обдуманного и распланированного жизненного пути к другому. При этом рассказчик подчеркивает наличие первоначального замысла действия, делает акцент на своей рацию-

нальности и самостоятельности в целеполагании, принятии решений, мобилизации возможностей. Рассказ насыщен воспоминаниями о «помощниках», способствующих достижению поставленной цели, и «злодеях», создающих препятствия и строящих козни. Такой рассказ легко распадается на смысловые фрагменты, каждый из которых маркирован событием, значимым в стратегической биографической схеме. В центре нарративного Я — идея self-made person, человека, последовательно идущего к поставленной цели и добывающегося ее.

Биография как институциональная карьера (institutional career line). Нарративное Я сводится к описанию цепочки ролевых образцов, соответствующих разным институциональным аффилиациям рассказчика. Жизненный путь представлен как последовательность и сочетание ролей: ребенка, учащегося, военнослужащего, работника, отца, супруга, пенсионера и т. д. Рассказчик чаще прибегает к перечислению событий, не акцентируя внимание на своих переживаниях и не интерпретируя свой опыт в категориях активности, индивидуальности и т. д.

Биографический процесс как «превращение» (metamorphosis). Ключ к пониманию такого нарратива — изменение биографического гештальта рассказчика. Описывая свою жизнь, информант отмечает ее переломные моменты (эпифании), которые он представляет как ключевые события, не просто способствующие его социальному продвижению, а приведшие к его полному перерождению. В результате конкретного опыта, накрепко отпечатанного в памяти и сопряженного с сильными эмоциональными переживаниями, меняется, по словам рассказчика, смысл его собственной жизни и его понимание себя. Такое изменение биографического гештальта подобно эффекту психологического эксперимента по восприятию сложной конфигурации фона и фигуры (эксперимент с вазой и профилями). Человек видит на рисунке либо вазу, либо два профиля, в зависимости от рамки восприятия, которая формируется под воздействием обстоятельств. Пример такого биографического превращения — жизнеописания людей, которые резко поменяли свои ценности и примкнули к альтернативным общественным движениям. Так, в одном из интервью, собранных Шутце, информант, в прошлом участник Второй мировой войны, ныне лидер пацифистского движения, рассказывает, как опыт рукопашной схватки с противником-подростком оказал-

ся решающим в изменении его взглядов на роль военного насилия при решении конфликтов.

Обращая внимание читателя на описанные варианты биографической работы, мы хотели бы подчеркнуть следующее. Во-первых, этот короткий список не является исчерпывающим, так как он был сформирован индуктивно (по большому счету, в данном случае трудно говорить о «типологии» в логическом смысле). Во-вторых, исследователь имеет шанс обнаружить в каждом нарративном интервью (хотя и в неравной мере) фрагменты той или иной версии биографической работы. Знакомство с исследованиями Шутце позволит нам обратиться к поискам биографических структур в тех нарративных интервью, которые мы собирали сами в рамках наших исследовательских проектов.

Процедуры проведения нарративного интервью

Представляется, что теперь читателю стало понятно, что задача интервьюера — получить насыщенное развернутое жизнеописание, распадающееся на секвенции, далеко не всегда соответствующие ходу событий, но подчиненные внутренней логике изложения и завершенные кодой. Чтобы получить такой рассказ, необходимо его провоцировать открывающим стимулирующим вопросом, который создает рамки ответного изложения. Такой вопрос предполагает открытость тем и временного интервала, содержит понятную информанту формулировку первичного исследовательского вопроса. Уместным началом интервью может быть такая фраза: «Как складывалась ваша жизнь до того, как вы стали феминисткой?», или: «Расскажите, пожалуйста, как можно подробнее о том, как проходило ваше детство». Такие общие вопросы-задания обрисовывают исследовательскую задачу. В первом случае задачей является изучение жизненного опыта феминистки, во втором — опыт детства. Кроме того, в обоих приведенных примерах сказуемые вопросительных предложений указывают на процессуальность опыта и ожидаемую процессуальность и детальность рассказа.

В ответ на предложенный вопрос интервьюер должен услышать продолжительный рассказ. Интервьюеру не следует перебивать рассказчика. Его задача — мимически и с помощью междометий поддерживать поток речи, который завершится

кодой. В завершение рассказа можно услышать финальную фразу: «Вот и все». Так мы получаем первую, основную, часть интервью. Вторая часть представляет собой ответы на вопросы, адресованные к основному рассказу, задаваемые согласно последовательности изложения и контексту. В случае неясности интервьюеру рекомендуется пользоваться лексикой информанта. Вопросы могут быть подготовлены заранее в виде путеводаителя или гида; в процессе интервью они задаются последовательно в соответствии с разными фазами жизненного пути информанта или логикой его рассказа.

Интервью обычно завершается тем, что рассказчика просят отвлечься от воспоминаний, вернуться в настоящее время и оценить прошлое с позиций сегодняшнего дня. Цель этой просьбы — получить в фокусированном виде интерпретацию прошлого опыта в современном контексте. Пример завершающего вопроса: «Как теперь вы оцениваете то, что с вами тогда произошло?». Задача последнего вопроса — спровоцировать коду как основную смысловую фигуру нарративного интервью. Интервью записывается на диктофон и транскрибируется с фиксацией интонационных модуляций рассказа. Для облегчения процедуры анализа строки текста последовательно нумеруются.

Перед тем как перейти к анализу фрагмента биографического интервью, нам необходимо сформулировать основные принципы нашего подхода и определить его процедуры. Итак, в процессе реконструкции идентичности на основании биографического интервью исследователи опираются на следующие методологические принципы.

1) На начальном этапе исследователь избегает точно и однозначно сформулированных гипотез и теорий, руководствуясь самыми общими философскими и эпистемологическими представлениями о нарративном Я (см. выше).

2) Исследователь исходит из того, что нарративное интервью содержит смысловое ядро (красную нить), отображающее целостность биографической работы и выражающее сконструированную идентичность. Задача исследователя — выявить гештальт биографического нарратива⁴, т. е. рамку, которая организует рассказ о пережитом и придает ему смысл.

⁴ Немецкая школа гештальт-психологии (В. Келер, М. Вертгеймер, Э. Рубин) обращает внимание на роль так называемых автохронных

3) Поскольку каждая секвенция соотносится определенным образом с биографическим гештальтом рассказчика, исследователь должен стремиться к определению места конкретной секвенции в целостном нарративе.

4) Исследователь старается ответить на вопрос о том, по каким правилам строится жизнеописание, как представляются разные фазы жизненного цикла, процесс принятия решений, как автор совершает отбор тем воспоминаний. Диапазон возможностей рассказа сужается благодаря умышленному или неумышленному выбору, сделанному рассказчиком. Рассказ о жизни содержит сообщение о значимости того или иного опыта для идентичности рассказчика.

5) Цель анализа — понять единичность данного случая и его представительность (типичность), т. е. реконструировать тот объективный латентный смысл, который может быть не осознан автором. Конечный смысл складывается не только на основании собственных интерпретаций рассказчика, но и в результате социологического осмысления текста. В итоге исследователь определяет тип биографической работы, воспроизведенной в интервью, и дает ей наименование.

Шесть шагов анализа биографического интервью

Первый шаг — анализ биографических данных информанта, т. е. построение биограммы, необходимой для анализа контекста, которая включает информацию о событийной канве жизненного опыта.

Второй шаг — выдвижение первичных предположений о конструировании идентичности рассказчика. Выполняя этот шаг, исследователь исходит из первичного знакомства с биографией и опирается на свое социологическое знание и знание исторического контекста. При этом осуществляется дистанцирование от материала нарратива и оценок информанта. Исследователь последовательно различает рассказ о пережитом опы-

факторов восприятия. Известен психологический эксперимент, демонстрирующий двойственность восприятия конфигурации «фигура — фон» (ваза — два профиля). Восприятие этой конфигурации зависит от системы поощрений и наказаний.

те и событийную канву жизни. Техника анализа на данном этапе следующая. Биография читается целиком, затем при групповом обсуждении восстанавливается хронология событий и выдвигаются всевозможные реалистические предположения о том, что составляет суть (красную нить) нарративного Я (представленной биографической работы рассказчика). (Например: «Я успешная женщина, постоянно преодолевающая неблагоприятные обстоятельства», или «Я женщина, эффективно использующая помощь близких», или «Я уникальный человек, неповторимый по своим внешним и внутренним качествам» и т. д.)

Третий шаг — анализ текста, ориентированный на реконструкцию гештальта автобиографического рассказа. Исследователь исходит из секвенциональности жизнеописания. На данном этапе необходимо выделить нарративные единицы — секвенции — и ответить на вопрос, почему они выстроены именно в такой последовательности. Мы обращаем внимание на переключение речевой модальности, нарушение событийной последовательности, насыщение текста разными модальностями. Сочетание всех видов модальностей показывает значимость конкретной темы для рассказчиков. Нам необходимо ответить на вопрос, почему происходит переход от темы к теме, почему рассказ завершен так, а не иначе. На данном этапе анализа мы ищем секвенции и обращаем внимание на фигуры речи, помогающие распознать секвенциальное переключение рассказа, — замешательство, перемену темы, определенные лингвистические маркеры («потом» и «вдруг») или завершающие коды. Кода — это ключ к пониманию всего рассказа; она представлена умозаключением или аргументами, приводимыми, как правило, в конце секвенции. Кода привязана к настоящему времени и общему ходу рассказа⁵.

Четвертый шаг — сравнение биограммы с нарративом и социально-историческим контекстом. Исследователь вновь обращает внимание на то, почему рассказчик отклоняется от по-

⁵ Например, после рассказа о болезни в детстве и юношестве следует рассказ об успешной профессиональной карьере во взрослом возрасте, хотя болезнь продолжает развиваться и накладывает существенные ограничения на жизнь рассказчицы. Переход к новой секвенции маркирован фразой: «А потом я начала работать».

следовательного изложения хода событий, чему он придает значение, а что остается за рамками подробного рассказа, описывается походя, без передачи эмоций и интерпретаций.

Пятый шаг — подробный анализ фрагментов текста, который может быть проведен по методу открытого кодирования⁶. При анализе отдельных секвенций выделяются ключевые категории, характеризующие тот или иной опыт рассказчика. Результатом является уточненное представление о нарративном Я, реконструированное на основании конкретных фрагментов опыта (например, в рассказе о школьных годах рассказчик подробно описывает то, как он преодолевал неблагоприятные обстоятельства болезни и одиночества, опираясь на помощь старшей сестры). Исследователь обращает внимание на коды отдельных секвенций (например, «итак, я справилась со школьной программой, хотя это было нелегко»; в данном случае кода представляет собой оценку окончания школы как успешно законченного этапа образования). Технически процедура анализа выглядит следующим образом: сначала выделяется рассказ о событиях в рамках данной секвенции; затем определяется эмоциональная окраска повествования (именно на этом этапе можно говорить о значимости пережитого опыта); после этого исследователь выделяет коду и обращается к интерпретации событий, представленной в рассказе.

Шестой шаг — сопоставление уточненного представления о нарративном Я, полученного при анализе каждой из выделенных секвенций с предварительными гипотезами об идентичности рассказчика. По завершении секвенциального анализа проверяются предположения о причинах тематического переключения нарратива, о выборе одних событий как значимых (например, помощь врачей, активность в поиске новых средств лечения) и вытеснении других (например, проблемы болезни отходят на задний план при репрезентации профессиональной успешности). Затем исследователь определяет тип биографической работы (например, биография как траектория жизненного пути, определяемого постоянным преодолением болезни).

⁶ Открытое кодирование — процедура, характерная для методологии построения обоснованной теории; разработана Б. Глезером и А. Страуссом.

Теперь представим фрагмент интервью и опишем, как мы его анализировали⁷. Мы анализируем биографию Марианны Петровны (МП) — женщины, достигшей в 1990-е годы высокого положения в региональной политической иерархии: на момент проведения интервью она являлась членом правительства одной из автономных республик Российской Федерации.

Секвенция, выбранная нами для анализа, представляет собой рассказ о детстве и ранней юности (стрк. 3—73).

- 1 *И:* Расскажите, пожалуйста, как складывалась ваша жизнь до
2 сегодняшнего дня.
3 *О:* 46-й год, родилась в Крыму, в семье — мама была учительницей,
4 папа — служащим, радиотехник. Это был 46-й год, в Крыму был
5 голод, и наша семья страдала от голода.
6 Я родилась семимесячной, потому что, чтобы не умереть с голоду,
7 мама завела козу и, чтобы передвинуть в нужное место (**), она
8 подняла рельсу, поэтому я родилась вот преждевременно. Была
9 такая маленькая, ну совсем... как бы нежизнеспособная. И когда
10 отнесли к врачу — я не знаю, почему я сразу это вспоминаю, ну,
11 наверное, это для чего-то надо, — отнесли к врачу, врачи сказали:
12 «Не выживет, так что...» Когда возвратились домой, встретили
13 знакомую — пожилую бабушку, она говорит: «Да вы что! Вы ее в
14 тепло...» Мне сшили теплую одежду из ваты и положили меня в
15 пещку. И я была, как вот, ха!..
16 *В:* Как..
17 *О:* Как в камере, да! В специальной. Вот, и я выжила. Но мама
18 говорит, что когда я родилась, я почему-то с самого начала
19 улыбалась. И мое какое-то естественное физиологическое состояние
20 всегда было радостное, всегда, что бы ни происходило, то есть вот
21 это мне от природы как бы дано, чисто физиологически. Когда мне
22 годик исполнился, мои родители уехали в Сибирь — папу
23 пригласили туда на работу. У меня интересный такой папа. И там

⁷ Интервью с Марианной Петровной взято Е. Здравомысловой в 1999 году в ходе осуществления проекта «Поколение 1950-х годов рождения: формирование элиты».

24 до 13-ти лет я прожила, сначала на Алтае, потом в Томске, но всегда
25 в замкнутой системе: папа радиотехник — и всегда жил на
26 радиостанциях, это закрытые такие места, закрытые участки
27 где-то среди леса, несколько семей живет. А радиостанция — это
28 передача, радиотрансляционная передача. И, насколько я понимаю
29 теперь, тогда с их помощью ну как бы шел анализ тех радиопередач,
30 которые отовсюду; и что-то отсекалось, идеология такая была,
31 то есть они этим занимались. И так как коллективы были очень
32 суженные, маленькие, то я получила какое-то такое, может быть,
33 особое воспитание.

34 *В:* А где в Сибири?

35 *О:* В Томске. Тоже всегда в закрытых зонах, всегда. Да, там была
36 закрытая зона, там был такой рядом город Б. — атомная
37 электростанция находилась там и недалеко наша радиостанция.
38 Поэтому как-то всегда вот такие закрытые места. Ну, детство я
39 помню каким-то... на мой взгляд, достаточно счастливым
40 детством, я не помню каких-то отрицательных моментов.
41 Почему-то больше всего в детстве запомнила... я любила ходить
42 одна в лес, любила ходить рассматривать что-то, узнавать, и мне
43 это приносило огромное удовольствие. Но я помню и такие
44 моменты, когда на меня напали — (*) сильное отчаяние, какие-то
45 пессимистичные были моменты, — и я как бы готовилась к
46 предстоящему несчастью, к горю какому-то или несчастливой
47 жизни, не знаю, но вот это было. Было с чем-то связано — наверное,
48 сейчас я уже могла бы это понять, если бы вошла по
49 соответствующим методикам, — а тогда это было, и это, наверное,
50 как-то сказывалось. Но при этом безудержный оптимизм, который
51 был мне свойствен, как-то все отсеивал. И когда в школе я училась,
52 и в институте как бы отмечали все мои друзья, что я чересчур
53 веселая. «Вот, будь немножко серьезнее». А при этом как бы по
54 своей сути я правда серьезный человек, как... Ну, потом мне очень...
55 практически все легко давалось: я хорошо училась, но не для того,
56 чтобы хорошо учиться, а как бы само собой. И вот такое ощущение
57 у меня всегда было, как будто я это уже знаю, то, что мне
58 рассказывают, вот изначально, поэтому мне никогда не хотелось

59 ничего учить. Физически не хотелось. Я как бы вот автоматически
60 в нужный момент в нужном месте открывала книжку, в нужный
61 момент дополняла — и получала все время пятерки. Вот правда!
62 Но могла получить и двойку, у меня были такие моменты:
63 где-нибудь я что-то или забуду, или пропущу, или отвлекусь. Но в
64 общем-то я хорошо училась и была лучшей ученицей и у учителя
65 русского языка — лучшие сочинения у меня были в школе, и
66 лучшая была ученица по физике, то есть как бы...

67 *В:* Такие разные...

68 *О:* Да, разные. И лучшей ученицей по истории. Но историю я
69 совершенно не знала, абсолютно, я ни одной даты не помнила, но
70 я выезжала всегда на выводы и заключениях и на философском
71 каком-то обосновании. И физику я полюбила только из-за
72 философского ее основания, так скажем. И во мне боролось много
73 начал, когда я заканчивала школу, вообще куда пойти.

Первый шаг. Реконструируем общий событийный ряд (построение биограммы) и предложим первичные гипотезы о Я-концепции нарратива. Событийный ряд, представленный в данной секвенции, выглядит следующим образом: МП родилась в 1946 году, младенчество ее прошло в небольшом крымском городе. Когда ей исполнился год, отца перевели на работу в Сибирь, куда за ним последовала семья — жена и дочь. В связи с работой отца семья несколько раз переезжала. Наша героиня прожила в Сибири до тринадцати лет в разных маленьких городах в закрытых зонах. Здесь она закончила среднюю школу.

Второй шаг. Обсуждая общее впечатление от целиком прочитанного интервью и выделенной секвенции, группа молодых исследователей, с которыми мы работали, следующим образом сформулировала предварительные гипотезы об идентичности рассказчицы. В автобиографии МП предстает как самоуверенная, способная, удачливая женщина, уникальная по своим врожденным качествам. Она представляет себя как многообразно талантливую человека, который, несмотря на трудности, обладает врожденным оптимизмом, и в целом жизнь ее складывается удачно. В тексте мы видим, что высокие достижения рассказчицы вполне соответствуют ее способностям и заслу-

гам. Автобиография разворачивается как меритократический образец восходящей социальной мобильности.

Третий шаг. В данном сегменте текста выделяется три секвенции. Первая из них (стрк. 3–21) — рассказ о младенчестве (до года). Кодой данной секвенции является фраза «Вот я и выжила». Вторая секвенция (стрк. 21–54) — это рассказ об изменении жизненных обстоятельств, когда МП вместе с родителями переезжает в Сибирь. В тексте описывается ее жизнь в подростковом возрасте. Фраза «когда мне годик исполнился» обозначает переход к рассказу о новом возрастном этапе, включающем детские и школьные годы. Кода секвенции указывает на «безудержный оптимизм» как базовую черту личности рассказчицы. Третья секвенция (стрк. 54–73) — рассказ о школьных годах. Переход к ней обозначен лингвистическим маркером «Ну, потом...» Кода содержится в конце фрагмента и связана с описанием многосторонних интересов и способностей МП, включающих ее склонность к философскому мышлению.

Четвертый шаг. Сравним нарратив с биограммой, обращая внимание на то, что автор описывает обстоятельно, какие фрагменты текста насыщены метафорами и переживаниями. Мы видим, что МП подробно рассказывает о своем младенчестве, а затем практически сразу переходит к повествованию о подростковом возрасте и школьных годах. Рассказчица не обсуждает ни детали переезда, ни проблемы, связанные со сменой школ; нет описания родительской семьи, взаимоотношений со сверстниками и т. д. Вчитываясь в такой текст, мы можем предположить, что именно младенчество и особенности обучения в школе являются для информантки наиболее значимыми в создании нарративной Я-концепции. Используя метафору «специальной камеры», в которую ее поместили после преждевременных родов матери, рассказчица, по существу, говорит нам о счастливом и непредвиденном спасении; в этом же фрагменте впервые звучит тезис о ее врожденном оптимизме, который затем повторяется в тексте интервью неоднократно.

Далее мы должны ответить на вопрос: почему именно описываемые периоды жизни важны для рассказа МП, какое развитие получают по ходу интервью прозвучавшие в данной секвенции метафоры и наиболее часто повторяющиеся тезисы? На этом же этапе мы формулируем предположение о том, что автор жизнеописания акцентирует внимание на «особых

условиях жизни, сформировавших особую личность», а также на «врожденном характере своих способностей и других личностных особенностей».

Пятый шаг. Теперь обратимся к тексту первой секвенции, который посвящен рассказу о младенчестве. Прежде всего определим контекст, к которому отсылает нас рассказчица, и выделим описательную, нарративную и интерпретативную модальности изложения. Контекст рассказа определяем через пространственно-временные координаты событийного ряда. Речь идет о послевоенной жизни в Крыму, недавно освобожденном от нацистской оккупации. Контекст свидетельствует о тяжелом периоде, который переживало в послевоенном Советском Союзе большинство людей. Голод, непосильный труд, высокая детская смертность, в целом низкий уровень жизни населения — вот о чем сообщает нам рассказчица в самом начале интервью. Одиночество женщин, их тяжелый физический труд — гендерно специфический контекст, на который стоит обратить внимание. Описательная часть секвенции прямо соотносится с социально-историческим контекстом и персонализирует его. Событийный ряд включает упоминание о трудностях, переживаемых семьей, о непосильных физических нагрузках, о преждевременных родах матери, в результате которых врачи ставят диагноз, смертельный для нашей героини. Однако случайная встреча с бабушкой, от которой получен «рецепт» спасения, изменяет ситуацию, и девочка чудом выживает.

Переживания, которые описывает информантка, это мучения людей, вызванные голодом, это страдания матери. Нас интересуют референции к эмоциям, которые информантка приписывает людям, имевшим опыт жизни в послевоенном Крыму, людям, среди которых она выросла и благодаря которым выжила. Фрагменты текста, описывающие эмоции, указывают на тот опыт, который рассказчица считает значимым для своего Я. Ребенок оказывается оптимистом несмотря ни на что; свое состояние в младенчестве рассказчица описывает как «физиологически радостное». Эмоции выражены не только в лингвистических маркерах, но и в интонациях — МП подыскивает слова, делает паузы в рассказе, чтобы вернее описать младенческий опыт, замечает, что «сама не знает, зачем вспомнила это». Рассказ призван вызвать сострадание к матери и ребен-

ку, а также удивление и радость, вызванные сюжетом о «чудесном спасении» девочки.

Информантка интерпретирует свое раннее младенчество как историю о выживании (кода подсеквенции: «Вот я и выжила»). Такое спасение стало возможным благодаря случайности (чуду) и заботе близких, которые создали особые условия, приведшие к благополучному исходу. Рассказчица утверждает, что с младенчества на физиологическом уровне в основе ее идентичности был заложен природный оптимизм, т. е. радостное и открытое отношение к жизни, врожденная способность к выживанию несмотря ни на что.

Шестой шаг. Сравним уточненное представление о нарративном Я с предварительными гипотезами об идентичности рассказчицы и постараемся определить тип биографического процесса, или биографической работы, который представлен в жизнеописании⁸. Уже в младенчестве МП способствует удача, проявляются ее уникальные врожденные качества радости и оптимизма, способности к выживанию. Удача позволяет ей преодолеть чрезвычайно тяжелые обстоятельства. Обратим внимание на то, что рассказчица не может помнить о своем младенчестве, но воспоминания о нем, по свидетельствам родных (прежде всего матери), показывают, насколько значим для ее самоидентификации этот начальный этап жизни. (Напомним, что задача исследования, о которой знает информантка, — изучение жизненного пути и идентичности успешных людей; иными словами, она волей-неволей отвечает на вопрос интервьюера: «Как вам удалось достичь такого высокого социального положения?»)

Итак, данная секвенция представляет собой повесть о выживании, в ней создается идентичность выжившего человека (и в этом проявляется успешность нашей героини уже в самые ранние годы) благодаря чудесному избавлению и врожденным качествам. Знакомая старушка, повстречавшаяся на дороге и давшая совет, как поступить с преждевременно родившейся нежизнеспособной девочкой, стала волшебным помощником (в терминах «Морфологии сказки» Проппа). При последую-

⁸ Разумеется, для окончательного определения типа биографической работы требуется анализ всего интервью.

Анализ нарративного интервью

шем анализе текста нам стоит обратить внимание на роль других помощников в личностном становлении и жизненном пути МП.

Приведенный фрагмент анализа текста позволяет нам поставить вопрос о специфике биографической работы представителей первой когорты постсоветской российской элиты, чей путь наверх начался при советской власти. Я-концепция таких информантов, выраженная в нарративном биографическом интервью, по нашему предположению, содержит две основные характеристики: во-первых, в ней подчеркивается природная уникальность индивида, его врожденные выдающиеся интеллектуальные и психологические способности и, во-вторых, акцентируется внимание на значимости счастливого непредвиденного стечения обстоятельств, способствующих институциональному продвижению. Нам представляется, что данное нарративное интервью не может быть отнесено к «стратегическому» типу (по Шутце). Рациональные действия, ориентированные на достижение высокого служебного положения, в рассказе не столь значимы, как акцент на случайности счастливой судьбы, которая определила не только обстоятельства жизни нашей героини, но и уникальные черты ее индивидуальности.

Категоризация взаимодействий: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере⁹

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

Статья знакомит читателя с методикой анализа текста, разработанной в рамках социально-конструктивистского подхода и получившей название «анализ категоризации взаимодействия». Данная методика адаптирована для изучения конструирования идентичности на материале биографического интервью.

Принципы конструктивистского исследования

Выбор исследовательской методики как совокупности «более или менее формализованных правил сбора, обработки и анализа доступной информации» (Ядов 1999: 62) обусловлен методологическими позициями исследователя-социолога. Методология понимается в данном случае как «система принципов научного исследования» (Там же: 53). В рамках методологии определяется вопрос исследования и методы, с помощью которых возможно приблизиться к его решению.

Предметом нашего изучения является формирование гендерной идентичности. Этот процесс можно рассматривать с разных методологических позиций, таких как, например, полоролевой подход, психоаналитический, марксистский и т. д. В данном случае мы опираемся на позиции социально-конструктивистского социологического подхода. В его рамках создание гендерной идентичности понимается как производство гендера с помощью механизмов социального взаимодействия.

⁹ Ранняя версия этого текста опубликована в «Гендерных исследованиях» (2000. № 5. С. 211–225).